

Каценеленбаум Захарий Соломонович

Учение о деньгах и кредите

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
3-38

3-38 **Захарий Соломонович К.**
Учение о деньгах и кредите: Часть 2 / Каценеленбаум Захарий Соломонович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 154 с.

ISBN 978-5-519-88720-5

ISBN 978-5-519-88720-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

верию кредитора к заемщику, страдают, однако, еще и другим недостатком. А именно, они не отвечают на те основные вопросы, которые должно объяснить данное определение. Таковыми вопросами являются, во-первых, вопрос о цели кредита, во вторых, вопрос об источнике оплаты процента. Кредит, говорят упомянутые авторы, есть доверие, оказываемое одним лицом другому при передаче вещи. Но, естественно, возникает вопрос, зачем эти вещи передаются и по какому поводу требуется проявление этого доверия. Если бы кредитные сделки представляли собой редкое, случайное явление в хозяйственном обороте, вопрос „зачем“ мог бы быть обойден. Но кредит — есть повседневное, всеобъемлющее хозяйственное явление, проникающее все поры хозяйственного организма. При таких условиях требуется объяснение его причин, тех целей, ради которых передаются вещи и оказывается доверие. Кредит в громадном большинстве случаев предполагает возмездность. Лишь в виде исключения кредит бывает даровой, беспроцентный. Не этот вид кредита типичен. Не он накладывает отпечаток на кредитный оборот. Но если возмездность, процент, представляет собою существенную черту кредита, то и определение кредита, очевидно, должно объяснить источник этого процента.

Авторы, которые видят природу кредита в доверии, не объясняя ни целей кредита, ни источников получения процентов, не заполняют своих определений достаточным содержанием, дают пустую формулу.

§ 2. Большая группа экономистов выдвигает другой момент в явлении кредита, как определяющий его природу, а именно момент раздельности во времени двух частей кредитной сделки, передачи ценности и ее возвращения. При всякой кредитной сделке кредитор передает заемщику вещь, которую этот последний обязуется вернуть через известный промежуток времени. Между начальным актом сделки и ее завершением должен протекать известный срок. Эта раздельность во времени двух частей сделки и кажется представителям этого направления наиболее характерным для кредита. Наиболее определенную формулировку этот взгляд нашел у известного германского ученого К н и с а. Книс определяет кредит, как „возмездный переход благ из одних рук в другие, при котором одно лицо оказывает услугу в настоящее время, но получает контр-услугу в будущем“ ¹⁾ или, как „оборот между настоящим и будущим временем, — оборот, состоящий в том, что одно лицо (кредитор) передает в настоящее время другому лицу (должнику) какую-либо ценность или оказывает какую-либо услугу, даже просто совершает какое-либо действие, которое желательно для должника; а этот последний обязывается совершить в будущем в пользу кредитора то, либо другое действие, или передать ему определенную ценность“. Из русских экономистов на этой точке зрения стоит М. И. Туган-Барановский, который говорит о кредите следующее. „Кредитом называется такая возмездная передача хозяйственных предметов, при которой уплата эквивалента за полученный хозяйственный предмет отсрочивается на некоторое время, или, говоря иначе, такая сделка, при которой момент получения какой-либо ценности отделен от момента возвращения ее эквивалента некоторым промежуток времени.“ ²⁾

Это понимание представляется нам, однако, столь же неправильным, как и понимание, выводящее кредит из доверия, и по тем же, в сущности, причинам. Концепция кредита, объясняющая его природу на основании

¹⁾ См. I. Komorzynski. Цит. соч., стр. 61.

²⁾ «Основы политической экономии», 3-ье Изд., 1909 г., стр. 423.

раздельности во времени двух актов кредитной сделки, подмечает верный факт. Такая раздельность, действительно существует. Но она, с одной стороны, ни в какой мере не характерна для кредита, как такового, а с другой не заполняет достаточным содержанием определение этого явления.

В самом деле, можно ли считать, что раздельность во времени есть нечто присущее только кредиту, нечто совершенно несвойственное всякой другой хозяйственной сделке. На этот вопрос приходится ответить определенно отрицательно. Строго говоря, разделение во времени, так же, как и доверие, есть в сущности предпосылка всякого акта междухозяйственного оборота, всякой сделки, происходящей между двумя или более хозяйствующими людьми. Хозяйственные явления происходят во времени, категория времени есть их основа, и там, где два человека обмениваются услугами, между моментом действия одного и контр-действия другого не может не пройти известный промежуток времени. Пусть этот промежуток будет минимален, но это все же—промежуток. С этой точки зрения, раздельность во времени существует даже при покупке товаров в мелочной лавке за наличные. Ибо между моментом получения вещи покупателем и уплатой денег в кассе всегда проходит некоторое время. Иногда покупатель сначала получает вещь, а затем платит. Иногда платеж производится до получения вещи, но известный промежуток времени между этими двумя актами во всяком случае должен пройти.

Но нам нет надобности прибегать к таким хозяйственным фактам, где раздельность во времени очень невелика и где подчеркивание этого момента может показаться некоторой натяжкой. В целом ряде хозяйственных явлений, которые отнюдь не могут быть отнесены к категории кредитных, раздельность во времени двух моментов сделки, оказания услуги и возврата контр-услуги, выступает с гораздо большей очевидностью. Сюда относятся, напр., наем рабочих и служащих. Рабочий или служащий работает в течение всего дня. Он оказывает нанимателю услугу непрерывно. Но заработную плату рабочий получает не непрерывно, не по мере производства работы, а в определенные сроки, раз в день, раз в неделю и т. д., иногда после производства работы, иногда до ее производства. Между моментом оказания услуги рабочим или служащим и моментом получения им контр-услуги проходит промежуток времени, подчас весьма значительный. Некоторые авторы, в том числе и Книс, доходят до такой натяжки, что считают и наем рабочих явлением кредита. Явная несообразность этого, однако, очевидна. Во всяком случае, такое расширительное понимание явления кредита едва ли возможно для таких экономистов, как Туган-Барановский, которые совершенно иначе понимают взаимоотношения рабочего и предпринимателя. Укажем, наконец, еще на одну весьма распространенную хозяйственную сделку, в которой определенно выступает момент раздельности во времени. Мы имеем в виду страхования различного рода, страхование жизни, страхование от огня и т. п. Здесь страхователь делает периодические взносы, но его контр-агент оказывает ему контр-услугу лишь значительно позже, в случае пожара, смерти и т. д.

Словом, раздельность во времени двух частей хозяйственной сделки—явление, которое можно наблюдать в целом ряде актов междухозяйственного оборота. Она характерна не для одного кредита. Поэтому не может считаться удовлетворительной концепция кредита, которая только в этом моменте видит особенность его природы. Но, кроме того, как мы уже упоминали, и это определение отличается пустотой, и оно не дает никакого конкретного содержания понятию кредита, так как и оно не отвечает на

основные вопросы о цели кредита и об источниках возмездности. Так, Туган-Барановский говорит, что кредит есть „такая возмездная передача хозяйственных предметов, при которой уплата эквивалента за полученный хозяйственный предмет отсрчивается на некоторое время“. Но зачем такая передача производится? Почему возврат отсрчивается? Какой „эквивалент“ возвращается? Ведь этот „эквивалент“ всегда больше переданной вещи. Он включает в себе проценты. Откуда же берутся проценты, почему заемщик соглашается их выплачивать? Все эти вопросы, которые необходимо должны быть разъяснены для понимания сущности кредита, остаются в рассматриваемом определении без ответа.

§ 3. Значительно ближе подходит к правильному пониманию сущности кредита третье направление, которое выдвигает, как основной признак в этом явлении, факт пользования хозяйственными благами кредитора со стороны заемщика. Такое определение находим мы, напр., у американского экономиста Зеллигмана, который говорит, что „кредит это — меновая сделка, состоящая в передаче другому лицу временного пользования богатством“, что „сущность кредита состоит в праве пользования каким либо благом или привилегией, которые на известное время переходят в экономическую собственность другого лица“. ¹⁾ Такое же определение дает и автор специальной монографии о кредите Коможинский. „Кредит“, говорит он: „это установление частнохозяйственного оборота, посредством которого имущество передается в чужое хозяйство для пользования“. ²⁾

В этих определениях мы находим уже ответ на главные вопросы, которые нас могут интересовать в понятии кредита. Цель кредита находит себе в них свое объяснение. Имущество передается в чужое хозяйство для пользования: очевидно, эта временная передача есть результат обоюдного интереса кредитора и должника. Как тому, так и другому при данных условиях выгодно или необходимо, чтобы имущество кредитора временно использовалось в хозяйстве должника. Но и эти определения страдают тем недостатком, что в них не вполне определен род того пользования, которое в данном случае имеется в виду.

§ 4. Наиболее ясное выражение сущность кредита находит в определениях тех экономистов, которые не ограничиваются указанием на несколько смутное понятие „пользования“, а ставят явление кредита в тесную связь с явлением производства.

Эту связь явления кредита с моментом производства очень определенно выдвигает Маркс, на которого эти мысли навеяны, как нам кажется, главным образом, английской банковской литературой начала XIX века. К сожалению, взгляды Маркса на кредит дошли до нас в недостаточно обработанном виде. Они заключались в тех его манускриптах и отрывках, которые были обработаны уже после его смерти Энгельсом и изданы в качестве 3-го тома „Капитала“. Для Маркса кредит есть кругообращение капитала, приносящего проценты. Цель и смысл этого кругообращения он изображает следующим образом. „Владелец денег, желающий использовать свои деньги, как капитал, приносящий проценты, отчуждает их третьему лицу, бросает их в обращение, делает их товаром, как капитал; как капитал не только для него самого, но и для других; эти деньги — капитал не только для того, кто их отчуждает, но и третьему лицу они прямо вру-

¹⁾ Эд. Зеллигман. Основы политической экономии. Пер. В. Твердохлебова и М. Булатова. СПб. 1908. Стр. 449—450.

²⁾ I. Komorzynski, Цит. соч. стр. 25.

чаются, как капитал, как ценность, потребительная ценность которой прямо в том и заключается, что она создает прибавочную стоимость, прибыль: как ценность, которая сохраняется в своем движении и, выполнив свою функцию, возвращается к первоначальному выпустившему ее лицу, в данном случае к владельцу денег; следовательно, удаляется от него лишь на время и лишь на время переходит из владения своего собственника во владение функционирующего капиталиста, т. е. не поступает в уплату, не продается, а лишь отдается в ссуду; лишь отчуждается с тем условием, что она, во-первых, по истечении известного периода времени вернется к своему исходному пункту и, во-вторых, вернется, как реализованный капитал, реализовав свою потребительную ценность, заключающуюся в способности производить прибавочную стоимость".¹⁾ Этот взгляд на существо кредита, как на обращение ссудного капитала в чужом предприятии и проводится Марксом в ряде глубоких замечаний, рассуждений в 3-м томе „Капитала“, в том самом 5-м отделе, из которого мы привели настоящую цитату, и в котором Энгельс сгруппировал учение о „разделении прибыли на процент и предпринимательский доход“.

Заслуга дальнейшей разработки вопроса о сущности кредита в направлении намеченном Марксом, принадлежит представителю русской экономической науки, киевскому профессору, В. А. Косинскому. В книге „Учреждения для мелкого кредита в Германии“, вышедшей в 1901 году, Косинский дал одно из лучших определений кредита, какое существует в экономической литературе, определение, достаточно правильно выясняющее сущность кредита и ставящее кредитную проблему на правильную почву.

Вот как определяет кредит Косинский.

„Под производительным кредитом“, говорит он: мы разумеем круговращение капитала в чужом предприятии. Один предприниматель (или домохозяин) передает другому предпринимателю сумму ценности, временно свободную в его предприятии (или домохозяйстве); первый предприниматель (или домохозяин) называется кредитором или займодавцем, второй (всегда предприниматель) — должником или заемщиком. Сумма эта передается кредитором должнику не в виде уплаты за какую-либо вещь, ни в уплату долга, а в качестве капитала, имеющего круговращаться в предприятии заемщика. По завершении одного, либо нескольких круговращений, переданный кредитором заемщику капитал возвращается обратно в предприятие либо домохозяйство своего владельца — кредитора, где выполняет определенные хозяйственные функции, от которых он временно был свободен. Часть ценности, созданной в предприятии заемщика при таком круговращении чужого капитала, поступает (в качестве процента на ссудный капитал) в пользу кредитора“.²⁾

§ 5. Итак, по мнению Косинского, „кредит есть круговращение капитала в чужом предприятии“. К этому определению примыкает, в общем, в русской литературе проф. А. А. Мянвилев. ³⁾ Как уже было сказано, мы также считаем концепцию Косинского, в общем, правильной. Сущность кредита надо искать в явлениях производства, а не в процессе обмена, и потому не доверие, не раздельность во времени двух частей сделки могут

¹⁾ К. Marx. Das Kapital III. B. 1-er Th. 3-tes Auf., Hamburg, 1911. Стр. 327—328.

²⁾ В. А. Косинский. Учреждения для мелкого кредита в Германии. М. 1901 г. Введение, стр. ССIII. См также новую книгу того же автора: «Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы. Ч. I, Киев, 1917 г. стр. 4.

³⁾ См. его «Политическую Экономию», 2-ое изд. М. 1918 г. Стр. 265—266.

объяснить его природу, а лишь факт участия передаваемого в ссуду капитала в производстве благ. Но все-же, нам хотелось бы сделать по поводу определения Косинского некоторые оговорки.

Во-первых, не вполне удачным является термин: „круговращения“. Это заимствованное у Маркса выражение едва ли точно формулирует сущность работы капитала. Оно дает представление о совершении капиталом каких то «кругов», предполагает, что отданный в ссуду капитал должен проделывать какой-то привильный процесс, представление в значительной степени надманные. Вместо того, чтобы говорить о «круговращении» капитала, проще сказать об «участии» капитала в чужом предприятии, о «применении» его там, или, если угодно, об «обращении».

Затем, Косинский строго ограничивает свое определение сферой производственного кредита. Он дает свое определение для производительного кредита, подчеркивает, что заемщиком должен быть только предприниматель. Такое ограничение обнаруживает известную осторожность, но оно в значительной степени ослабляет весь результат исследований в области кредита. В самом деле, при таком понимании де а. из определения кредита, как обращения капитала в чужом предприятии, исключается большая область потребительского кредита. (Не совсем укладывается в определение Косинского и другая форма кредита, а именно кредит торговый, который также не может вполне считаться «производительным» кредитом). Но тогда определение кредита как обращения капитала в чужом предприятии получает лишь частное значение. Остается открытой задача подскания такой конструкции понятия кредита, в которую укладывались бы и эти формы

Между тем, нам представляется, все это излишним. Определение кредита, как обращения капитала в чужом предприятии, вовсе не должно быть обязательно ограничено областью одного лишь «производительного» кредита. Оно может быть распространено и на всю сферу т.-наз. потребительского кредита, когда в качестве заемщика выступает не предприниматель, а потребитель — домохозяин. Ибо и тогда, когда хозяйство обращается за кредитом для удовлетворения своих потребительских нужд, оно при этом отнюдь не элиминирует из своих расчетов производственный момент. Задачей кредита в этом случае является поддержание жизни и здоровья трудящегося и его семьи, т. е. в конце концов облегчение его производственной деятельности. Эта последующая производственная деятельность заемщика только и делает возможным осуществление кредитной сделки. Если бы эта деятельность не предполагалась, заемщик не мог бы обещать возвращение взятой ссуды, да еще с процентом. Мы в этом случае могли бы иметь пособие, а не кредит. Грань между пособием и кредитом и проходит там, где передача благ перестает рассматриваться, как простая помощь в нужде, а имеет в виду последующее производство. В потребительском хозяйстве затраты на потребление суть производственные затраты, и кредит на потребление есть с этой точки зрения производственный кредит. Вот почему определение кредита, как обращения капитала в чужом предприятии, не должно ограничиваться одним лишь производительным кредитом, и может быть относимо к кредиту в его целом. В этом рассуждении, конечно, может быть усмотрена известная натяжка. Но эту натяжку можно сделать, чтобы получить единую концепцию кредита, и не прибегать к раздвоению одного понятия и построению особых определений для разных видов кредита. Наконец, в рассуждениях о кредите В. А. Косинского, как впрочем и многих других экономистов, недостаточно подчеркнута еще одно обстоятельство, которое имеет большое значение для

правильного понимания природы кредита. А именно, не подчеркнута сущность причин, которые заставляют одно лицо передавать свой капитал для применения другому лицу. Почему капиталы идут в чужие предприятия? Нам говорят, что они идут для получения прибыли. Этим многое сказано, выяснена цель кредитной сделки. Но сказано не все. Ведь прибыль можно получать и в своем собственном предприятии. Говорят, что в чужое предприятие идут капиталы «временно свободные». Но почему появляются «временно свободные» капиталы? Откуда, словом, эта постоянная тяга капиталов в чужие предприятия?

Все эти вопросы о причинах кредита, как и вопрос о цели его, быть может, не требовали бы настойчиво ответа, если бы кредит представлял собой небольшое, временное явление, на общем фоне хозяйственной деятельности, если бы свободные капиталы появлялись случайно, в известные периоды, в известных местах. Тогда, быть может, можно было бы считать, что существуют разные мотивы, не сводимые к одной общей причине, которые вырывают случайные «освобождения» капиталов то здесь, то там. Но кредит—явление всеобъемлющее и непрерывное. Не только в кредитный оборот вовлечена громадная масса хозяйств, не только редкое предприятие капиталистического типа не выступает в качестве заемщика, не только общая масса „свободных капиталов“, временно помещенных в чужие предприятия, абсолютно громадна и захватывает в каждой стране значительную долю общенационального капитала, но и самый приток свободных капиталов для помещения в чужие предприятия не прекращается в капиталистических странах ни на минуту. Очевидно, все это не может объясняться случайными обстоятельствами и мотивами. Очевидно, должна существовать какая-то глубокая причина, которая непрерывно создает „свободные капиталы“, которая вечно толкает эти капиталы в чужие предприятия, которая «питает» кредит.

Такая причина, действительно, существует. Она коренится в особенностях капиталистического строя, в праве частной собственности на капитал, на землю, орудия и средства производства, или, как удачно выражается Ксеножидский, в том противоречии, которое существует в современном обществе, между гражданско-правовыми нормами, с одной стороны, и требованиями производства благ с другой. Дело в следующем. Капиталистическое хозяйство выдвигает определенные требования в области организации производства. Для ведения хозяйства требуется сочетание определенных элементов, земли, труда и капитала, сочетание известных масс реальных благ, т. наз. сил природы, орудий производства, сырья, топлива, запасов продовольствия и т. д. Сочетание этих элементов должно происходить в известных пропорциях, и, что еще важнее, общая масса участвующего в предприятии капитала должна представлять собою известную величину. Долголетний опыт, с одной стороны, конкуренция и борьба различных типов предприятий, с другой,—приводят к тому, что в каждой отрасли устанавливаются известные пределы, в которых должны колебаться общие размеры предприятий. Рациональное ведение хозяйства, достижение максимума результатов при минимуме затрат, требует, чтобы размеры предприятий в данной отрасли, общая сумма инвестированного в них капитала, не была ни выше, ни ниже этих пределов. Но не только в каждый данный момент предприятия должны иметь известные размеры. Изменение этих размеров во времени также подчинено известным технико-экономическим законам.

В одной отрасли хозяйства предприятия для своего нормального су-

существования должны из года в год расти медленно, другие могут рационально работать лишь при быстром расширении и увеличении помещенного в них капитала; наконец, для третьих условием нормального существования является как раз отсутствие роста. Но руководство предприятиями, или, говоря шире, руководство хозяйственной деятельностью сосредоточено в руках отдельных лиц. Эти лица, класс предпринимателей, ведут отдельные предприятия. Они ведут их на правах собственников. Предприниматели, владельцы предприятий, являются в громадном большинстве случаев и капиталистами. В общей массе национального капитала они владеют известной долей на правах частной собственности. Но только — долей, ибо предприниматели — лишь часть класса капиталистов. По причинам, о которых мы подробно будем говорить в следующих лекциях, в среде класса капиталистов, в среде лиц, имеющих право частной собственности на капитал, всегда есть группа, которая непосредственного участия в хозяйстве не принимает.

Может ли при таких условиях владелец предприятия всегда обладать как раз той долей национального капитала, которая нужна для придания его предприятию должного размера? Очевидно, нет. В развитом капиталистическом хозяйстве такое совпадение было бы случайностью. Ибо вследствие существования права частной собственности национальный капитал самым причудливым образом распределен между отдельными лицами. Это распределение есть результат непрерывного исторического процесса, различного рода исторических наслений самого разнобразного происхождения, результат «первоначального накопления», постепенного роста прибылей, права наследования. Между этим распределением, с одной стороны, и потребностями организации предприятий в определенных размерах, о которых мы говорили выше, нет никакого соответствия. Нет никакого соответствия и между двумя процессами непрерывной перегруппировки капиталов, процессом перегруппировки их в области хозяйства, изменения размеров предприятий, вызываемого технико-экономическими причинами, и процессом перегруппировки их в гражданском обороте, вызываемом изменениями в праве собственности и праве наследования. Ибо оба процесса подчиняются своим законам, идут своими путями. Собственность переходит из рук в руки, одни обогащаются, другие разоряются, а предприятия, как хозяйственные единицы, должны существовать. Владелец предприятия получает в течение известного периода некоторый чистый доход, доля его участия в праве собственности на национальный капитал возросла определенным образом. Но сумма помещенного в предприятие капитала должна за тот же период быть увеличена в ином размере. Соответствия между потребностями данного индивидуального хозяйства и изменением в праве собственности его хозяина не оказывается. У предпринимателя обнаруживается или избыток или недостаток капитала.

Это противоречие между хозяйством и правом требует выхода. Современный оборот знает два таких выхода. Одним из них является разделение и объединение капиталов. Лицо, обладающее капиталом, превосходящим размеры потребностей одного предприятия, организует несколько предприятий в одной или нескольких отраслях. В современном хозяйстве, в котором преобладает крупное производство, этот случай относительно редкий. Гораздо более частым случаем является объединение капиталов нескольких или многих лиц, т. е. образование товариществ и акционерных компаний. Путем соединения капиталов разпыленное право собственности приводится в соответствие с потребностями организации предприятия. В этом случае мы имеем дело с длительным сос-

динением капиталов, притом соединением капиталов лиц, которые все хотят принимать непосредственное участие в хозяйстве. Однако, этот выход недостаточен эластичен. Он не в состоянии заполнить всю ту пропасть, которая образуется вследствие расхождения двух процессов, хозяйственного и правового. Он оставляет, во-первых, в стороне тех капиталистов, которые, вообще, не желают или не могут участвовать в производстве. Он не поспевает за непрерывным изменением взаимоотношений хозяйственного и правового факторов. Вторым выходом и служит временная передача капитала для применения в чужие предприятия, или, кредит

Итак, несоответствие между правовой организацией капиталистического строя, с одной стороны, и хозяйственной организацией с другой, приводят к тому, что класс капиталистов всегда делится на две группы, на группу лиц, доля которых в национальном капитале больше того, что им нужно для ведения предприятий, и группу лиц, доля которых в национальном капитале меньше того, что им нужно для ведения их предприятий. Всегда существует группа лиц, которая, имея право собственности на известные доли капитала, не желает или не может эксплуатировать этот капитал непосредственно, в собственных предприятиях, и группа лиц, которая, имея собственные предприятия и желая эксплуатировать в них капитал, не имеет права собственности на них. У первой группы есть «свободный капитал», вторая группа нуждается в капитале. Тогда совершается передача капитала от представителей первой группы представителям второй, временная передача для применения в этих чужих предприятиях. Первая группа выступает в качестве заимодавцев, кредиторов, вторая — в качестве заемщиков-должников. Передачей капитала в чужие предприятия достигается то, что в стране не оказывается праздно лежащих капиталов, а предприятия имеют столько капитала, сколько необходимо для их рационального существования. Передача совершается на условиях возмездности, т. е. заемщик уделает кредитору часть той прибыли, которую дает капитал в его предприятии, или процент.

Теперь нас не должны удивлять ни непрерывность образования свободных капиталов, ни всеобъемлющий характер кредита. Поскольку потребность в кредите вызывается глубокой непрерывно-действующей причиной, постольку и самый кредитный оборот получает постоянный материал.

Нетрудно видеть, что основная причина кредита лежит в том самом факте, который вызывает и крупнейшие социальные противоречия нашего времени. Кредит происходит из того же, из чего происходит и деление современного общества на классы, существование класса капиталистов, и класса, лишенного орудий производства, пролетариата, т. е. из факта несоответствия между гражданско-правовыми нормами современного строя, и комбинацией элементов в процессе хозяйства. Но, в общем и целом, кредит — явление буржуазных отношений. И кредиторы и должники получают прибыль на капитал, обе группы принадлежат, в общем, к одному классу. Группа заемщиков, в большинстве случаев, не представляет собою людей, совершенно лишенных собственного капитала. Обычно они занимают чужие деньги в дополнение к своему собственному капиталу. Сегодняшний должник может завтра стать кредитором. Стоит лишь ему отказаться от самостоятельного ведения своего предприятия, передать в чужие руки и свой капитал. Нередко, как мы это увидим дальше, один и тот же капиталист выступает одновременно в роли и кредитора и должника.

И тем не менее, любопытно отметить, что своеобразное происхождение

ние кредита, единство корня у кредита, с одной стороны, и крупнейших социальных вопросов современности, с другой.—нередко приводит к тому, что кредит становится формой социальной борьбы. В кредитных отношениях начинают проявляться социальные противоречия. Кредиторы и должники начинают противостоять друг другу, как классы, имеющие противоположные интересы и ведущие между собой ожесточенную борьбу. Недаром Маркс отметил, что борьба классов в античном мире происходила, главным образом, в форме борьбы между кредиторами и должниками, что в Риме она закончилась гибелью должника—плебея и заменой его рабом, а в средние века—«падением феодального должника, который потерял свое политическое могущество вместе с его экономической основой». ¹⁾

Словом, наряду с периодами, когда кредит выступает в форме мирного сотрудничества двух групп капиталистов, должников и кредиторов («кооперации», как выражается Коможинский), бывают и периоды обостренных отношений этих двух групп. Не вдаваясь здесь в подробный анализ тех причин, которые вызывают смену этих периодов, скажем лишь, что этот вопрос находится, между прочим, в тесной связи с изменением ценности денег. По причинам, о которых мы будем говорить в другом месте, для должников всегда бывает выгодно обесценение денег, падение ценности денежной единицы, или, иными словами, рост уровня товарных цен, а для кредиторов, наоборот, выгодно повышение ценности денег, или понижение уровня цен. Поэтому, можно заметить, что интересы должников и кредиторов более или менее уживаются, и кредит имеет характер мирного сотрудничества в периоды устойчивости денежной единицы, и наоборот, отношения обостряются в периоды колебания ценности денег, при этом в зависимости от того, в какую сторону начинает склоняться эта ценность, вопль начинает поднимать та или иная группа. Так, 70-ые и 80-ые годы прошлого столетия были годами падения цен, по крайней мере, на сельскохозяйственные продукты, и в это время разорялась большая группа должников, землевладельцы. Это было время, когда с этой стороны раздавались постоянные жалобы, когда призывались способы помощи. Наоборот, в настоящий момент мы переживаем во всем мире период падения ценности денег, и мы наблюдаем обогащение должников и разорение кредиторов.

То исключительное значение, которое имеет вопрос о причинах возникновения свободных капиталов, о связи между явлением кредита и явлениями только что расхождением между хозяйственными и правовыми группировками капитала, делает необходимым дополнить определение кредита указанием на это обстоятельство.

После всего вышесказанного мы можем дать следующее определение кредита:

Кредит есть такая форма междухозяйственного оборота, при которой капитал передается на время для обращения в чужое предприятие с целью извлечения дохода,—причем эта передача вызывается несоответствием между распределением капиталов в современном обществе, с одной стороны, и потребностями организации хозяйства—с другой.

¹⁾ Капитал. Т. I. Цор. под ред. П. Струве. СПб. 1899. Стр. 90.

ЛЕКЦИЯ 2-ая.

Денежный рынок.

Понятие денежного рынка.—Денежный рынок и денежное обращение.—Единство денежного рынка.—Роль денег в движении ссудных капиталов.

§ 1. В предыдущей лекции мы пришли к заключению, что кредит есть обращение капитала в чужом предприятии. Кредит осуществляется, ибо с одной стороны имеются люди или предприятия, обладающие капиталом и предлагающие таковой, а с другой—люди или предприятия, готовые взять эти капиталы для временного применения в своих предприятиях. Капитал выступает в данном случае в форме товара, на который существует спрос и предложение. Настоящее имя этого товара—с с у д н ы й к а п и т а л, капитал, предлагаемый в ссуду. Но спрос и предложение всякого товара встречаются на каком-либо рынке. Спрос и предложение хлеба встречаются на хлебном рынке, спрос и предложение чая—на чайном рынке. Очевидно, должен существовать рынок, на котором встречается спрос и предложение ссудных капиталов. Такой рынок, действительно, существует. Этот рынок называется: «денежный рынок».

Под рынком в широком смысле слова не следует понимать какую-либо ограниченную географическую точку, где встречаются продавцы и покупатели товара. Проф. Туган-Барановский дает несколько более широкое определение рынка. «Совокупность пунктов сбыта данного товара», говорит он: «называется рынком». Однако, и это определение страдает некоторой односторонностью. Когда говорят об условиях хлебного рынка, то здесь не только не имеют в виду какую-либо одну географическую точку, но и едва ли представляют себе и совокупность п у н к т о в сбыта. Экономическое понятие рынка представляется более расплывчатым, и под ним обычно понимают не совокупность пунктов, в которых встречаются продавцы с покупателями, а совокупность взаимоотношений, которые возникают между продавцами и покупателями на почве предложения данного товара и спроса на таковой. В этом смысле под денежным рынком следовало бы понимать совокупность взаимоотношений, которые возникают между лицами, ищущими ссудный капитал, и лицами, предлагающими таковой.

Но если этой оговорки достаточно, чтобы понятие рынка какого-либо товара, хотя бы, напр., того же хлебного рынка, не требовало дальнейших разъяснений, то этого ни в какой мере нельзя сказать про денежный рынок. С понятием денежного рынка связано так много неясных представлений, что на этом понятии приходится специально останавливаться. Путаница представлений, которая происходит вокруг явлений денежного рынка, разнообразие подходов к этому вопросу в экономической литературе и печати так велико, что у многих является сомнение в том, возможно ли, вообще, разобраться во всем этом клубке. Однако, несомненно прав известный автор классической книги об английском денежном рынке, Бэджгот, который высказал на этот счет более оптимистический взгляд. «Полагают», говорит он: «что денежный рынок представляет собою нечто до такой степени туманное, что об нем можно говорить только очень абстрактно и что поэтому книги, трактующие об этом предмете, должны быть чрезвычайно трудны. Но я утверждаю, что денежный рынок представляет собою явление очень конкретное, реальное, что его можно описать простыми словами и что если предмет остается неясным, то винить в этом надо только автора». ¹⁾

¹⁾ В. Бэджгот Ломбардстрит. Рус. пер. под ред. Е. М. Эпштейна. Стр. 1.